

Елена Эдуардовна Пчелинцева

*Черкасский государственный
технологический университет*

Аспектуальность и глагольная номинализация в русском языке: генеративный, формальный, функциональный взгляд...

Ключевые слова: аспектуальность, вид, номинализация, девербатив

Key words: aspectuality, aspect, nominalization, deverbativ

Summary

In the article theoretical aspects of verbal derivation of nouns are analyzed, the role of aspect semantics of a verb in forming the semantic structure of a derivative is investigated. It is proved that limitation and semantic type of aspect correlation of a verb are the main factors in this process.

В лингвистике, как и в других науках, существуют «вечные» проблемы, которые вызывают неизменный интерес на протяжении многих десятилетий, и решение которых, несмотря на множество посвященных им работ, не представляется окончательным. К числу таких проблем принадлежит категория вида у русских отглагольных имен. Несмотря на множество интересных и глубоких исследований, сущность номинализации во многом остается спорной, и, что особенно важно в контексте настоящей статьи, в решении вопроса, аспектуальны ли русские имена действия и есть ли у них вид, как в призме, отражается взгляд на язык, исследовательская модель языка, и шире – доминирующая исследовательская парадигма.

В русле традиционной формальной грамматики вопрос о виде в отглагольных именах решался преимущественно на основании наличия / отсутствия формальных показателей. Так, А.М. Пешковский обнаруживал в парах типа

удвоение – удваивание оттенки видовых значений (например, процесса, «собранного в точку», «разбитого на части», «длительного» и тд.) и говорил о «смещении существительного с глаголом», указывая на особый статус имен действия в системе существительного как части речи:

В отглагольных именах присутствует семантика вида, но, по сравнению с именами ранних периодов развития языка, в значительно меньшей степени: только при наличии видовых пар имен и специальных показателей имперфективности – суффиксов –ива–, –ыва–, например, отыскивание – отыскание (отыскивать – отыскать), раздваивание – раздвоение (раздваивать – раздвоить) [Пешковский 1956: 100–112].

Заметим, что возможность сохранения вида в отглагольных существительных практически единодушно объясняется «гибридной, полуглагольной природой» имён действия, их особыми свойствами, состоящими в том, что у них

связь с глаголом и, следовательно, значение протекающего, совершающегося действия ощутимы гораздо более живо, чем в прочих существительных со значением действия [Винокур 1939: 15].

По мнению В.В. Виноградова, в современных отглагольных именах с суффиксами имперфективации сохраняется значение кратного или длительного действия [Виноградов 1947: 118–119]. Академик А.В. Исаченко, сопоставляя русские отглагольные имена с их чешскими и словацкими аналогами в отношении наличия у них видовых значений, отмечает, что «ярко выраженное значение несовершенного вида сохраняется за существительными, образованными суффиксом *-ыв / -ив*» [Исаченко 1960]. Есть, правда, и радикальное решение вопроса о виде, высказанное В.И. Хохлачевой: «категории вида у отглагольных имен не существует, и никогда не было, ... поскольку видовые пары нерегулярны» [Хохлачева 1969: 45–53]. Итак, с позиций формальной грамматики наличие видовых значений или их оттенков у русских отглагольных имён действия утверждалось исключительно при условии сохранения глагольных видовых показателей. Остальным именам действия, утратившим имперфективные суффиксы, по общему мнению, категория вида (или видовая семантика) не присуща.

В 60-х гг. вместе с бурным развитием генеративизма эта проблема получила возможность рассмотрения под новым углом зрения. В трансформационных описаниях конкретных языков номинализациям, одним из вариантов которых и является имя действия, уделялось много внимания, поскольку они оказались очень удобным материалом для анализа трансформаций глубинных структур в поверхностные. Собственно, если раньше девербатив рассматривался почти исключительно как объект словообразования, то при таком подходе обнаружилась несомненная (хотя далеко не всегда однозначная!) связь между глагольной конструкцией типа «они отказываются участвовать» и «их отказ участвовать». В первых генеративистских работах [Lees 1976], [Chomsky 1965] конструкции с номинализациями интерпретировались как результат

трансформационной (синтаксической) деривации и как результат применения правил трансформации глубинной глагольной структуры. В этих исследованиях различия между глаголом и отглагольным именем представлялись как различия исключительно формального характера. Естественным следствием этой мысли было то, что все соответствующие глагольные категории в полном объеме должны иметься и в отглагольном имени. Однако довольно быстро прямолинейное применение такого подхода выявило множество семантических несоответствий между глагольными и именными конструкциями. В результате появляется «Расширенная стандартная теория», основные положения которой изложены Н. Хомским в «Заметках о номинализации» в 1970 г., и в этой работе номинализация интерпретируется уже как феномен лексической, а не трансформационной (синтаксической) деривации, а в [Chomsky 1972] находим категорическое отрицание вида в отглагольных именах действия: «Производные (отглагольные) существительные не содержат элементов, которые специфичны для глагола... Это в особенности относится к виду» [Chomsky 1972: 159].

Дискуссия была продолжена Б. Комри в статье 1980 года, посвященной русским номинализациям: «В отглагольном существительном нейтрализуются многие категории, свойственные личному глаголу (время, вид, отрицание, в какой-то степени залог)» [Comrie 1980: 214]. Семантическое различие между существительными типа *рассмотрение* и *рассматривание* Комри усматривает скорее в их отнесенности к абстрактному или конкретному действию (например, *рассмотрение дел в суде* и *рассматривание гравюр*). Но в той же работе читаем:

Всего несколько правил необходимо для того, чтобы трансформировать глубинную структуру, в которой еще сохранились категории глагола, в поверхностную структуру, которая в основном отвечает требованиям, предъявляемым к структуре именной группы [Comrie 1980: 216].

То есть, в глубинной структуре эти категории все-таки предполагаются? Как кажется, категоричность утверждений была вызвана, прежде всего, тем, что номинализации были не отдельным объектом анализа, а скорее средством, инструментом доказательства известной теории, поэтому чаще всего нюансы не принимались во внимание. К сожалению, в случае с несоответствием семантики именных и глагольных групп этих «нюансов» обнаружилось слишком много. При этом несомненной заслугой трансформационного анализа в решении интересующей нас проблемы стало установление эксплицитных отношений между конструкциями с отглагольными существительными и соответствующими глагольными предложениями, что позже легло и в основу функционального подхода.

Новый виток в исследованиях глагольности девербативов стал возможным в русле функционализма с учетом словообразовательного, семантического, морфологического, синтаксического и контекстуального факторов. Конечно,

было бы неверно утверждать, что функциональный подход к анализу языка – принципиально новое изобретение второй половины XX века. В трудах классиков, которые трудно вместить в жесткие рамки одного направления, обнаруживаются чрезвычайно современные наблюдения:

основная идея существительного *movement* «движение» та же, что у глагола *move* «двигаться»... Единственным различием существительных *look* – «взгляд», *dream* «мечта» и глаголов *dream* «мечтать», *look* «взглянуть» является их роль в предложении. Сигнификативные же их значения тождественны [Jespersen 1911: 152].

И хотя О. Есперсен отмечает в более поздней работе некоторые тонкие семантические расхождения между мотиватором и мотивированным словом, он, тем не менее, дифференцирует их только по синтаксическому и, отчасти, по стилистическому признакам [Есперсен 1958: 155–158]. Аналогичный подход к рассматриваемому явлению наблюдается у представителей Женевской школы, в частности у Ш. Балли: он интерпретирует такой тип деривации как функциональную транспозицию, мену синтаксических характеристик слова [Балли 1995]. Сходная точка зрения высказана в [Курилович 1962] и [Теньер 1988]. В.М. Жирмунский утверждает, что именной предикатив «несет на себе всю тяжесть предикативного значения» [Жирмунский 1968: 14]. Появились и весьма радикальные взгляды на проблему вида у отглагольных имен, например, что категория вида присутствует у всех имен действия, независимо от их аффиксальной характеристики, а видовая семантика у отглагольных имен формируется не только – и не столько – с помощью глагольных аффиксов, сколько на основе семантической соотнесенности с определенным глаголом, а также средствами контекста [Иванникова 1972]. Однако только благодаря разработке теории и методологии функциональной грамматики решение проблемы вида в отглагольных именах приобрело внятные аргументированные очертания. Одной из задач функциональной лингвистики стала «дешифровка» грамматических значений слов, используемых в той или иной речевой ситуации, а также изучение семных процессов, возникающих внутри слова. Так как многие грамматические семы при словообразовании могут переходить из одних слов в другие, особую важность приобрела разработка концепции лексических транспозиций. Согласно этой концепции, меняя свою частеречную принадлежность, некоторые группы слов могут сохранять отдельные грамматические дифференциальные признаки в виде «генетического кода», становясь при этом объектом имплицитной морфологии [Соколов 1991: 10–12]. Такой подход реализует, в частности, В.П. Казаков, указывая на то, что глагольные морфологические категории не исчезают бесследно в девербативах, а семантизируются и проявляются в определенном контексте. Анализируя предложение: *Дима ворочался, не мог заснуть, в черноте серел квадрат окна, потом провал в полусон, тяжесть в груди, болотные рожки, цветной туман, чмокающие шаги, бормотанье, спазма пробуждения, тело в поту* (Н. Плотников), В.П. Казаков пишет, что существительное *провал*

получает здесь временную (прошедшее время), аспектуальную (совершенный вид, общерезультативный способ действия) и залоговую характеристику (возвратно-средний залог по трехзалоговой теории и действительный залог по двухзалоговой теории) [Казаков 1993: 104].

Чрезвычайно плодотворным для исследования глагольности девербативов в контексте функциональной грамматики стало объединение А.В. Бондарко различных показателей внутреннего времени действия в единую функционально-семантическую категорию аспектуальности, содержанием которой является внутреннее время, характер протекания и распределения действия во времени [Бондарко 1967]. Одним из проявлений процесса транспозиции сем является наследование девербативом глагольных семантических признаков результативности, кратности, процессуальности, интенсивности, перфектности, фазовости в имплицитном и эксплицитном виде. Функциональный подход к языковым явлениям позволяет расширить представление о составе поля аспектуальности. Как известно, в функциональной грамматике при моделировании функционально-семантического поля аспектуальности учитываются не только глагольные формы, но и разноуровневые факторы контекста, речевое взаимодействие категории глагольного вида, лексических разрядов предельных / непредельных глаголов, способов действия, лексических, лексико-грамматических, грамматических и синтаксических компонентов [Теория функциональной грамматики 1987], эксплицитные, так и имплицитные средства разных уровней, в том числе – имена действия (в качестве периферийного компонента). Э. Коссаковская, опираясь на этот подход и используя метод «частичной канонизации» (то есть приведения конструкций текста к элементарным семантическим пропозициям), совершенно определенно говорит о видовых значениях выражаемых русскими девербативами, подчеркивая, правда, что это не простой вид, а «деривационные видовые понятия, так называемые конфигурации» (длительный вид, итеративность, законченность и пр.): *Он выразил на своем лице удивление* (Булгаков) = *он удивился...; *Прокуратор просит первосвященника пересмотреть решение* (Булгаков) = *просит, чтобы пересмотрел и решил по-новому... [Коссаковская 2002: 115].

В работе [Цзяхуа 2007] было предложено сразу несколько аспектуально ориентированных классификаций отглагольных имен действия, основанных на семантической, лексической и грамматической интерпретациях категории аспектуальности. А.Е. Пазельская предложила классификацию предикатных имен, содержащую 10 аспектуальных классов, различающихся семантикой и поведением в перфективном и имперфективном контекстах [Пазельская 2003]. Безусловным достижением этих исследований стало объяснение многих функционально-семантических особенностей, усовершенствование словарной семантизации аспектуальных компонентов отглагольных существительных. Далее мы покажем, какие результаты дает комплексное использование инструментария функциональной грамматики при изучении вида в отглагольных именах.

При субстантивной транспозиции глагола грамматическое значение вида преобразуется и лексикализуется. Любое действие (в том числе и названное именной формой) содержит в себе какое-то количество «оперативного» времени», которое является «неотъемлемой чертой его природы», «представляет собой его внутреннее время» [Реферовская 1984: 98]. Характеристика действия с точки зрения этого «внутреннего времени» – это характеристика его аспектуальной семантики. Русские девербативы грамматической категории вида все-таки не имеют и, за немногими исключениями, лишены формальных средств выражения видовых различий. Но видовая характеристика конкретного глагола не покрывает всей сущности аспектуального значения обозначаемого действия: его определяют также предельность / неопределенность, способ действия, контекстуальные показатели. Предельность / неопределенность как лексико-грамматическая оппозиция полностью обусловлена лексическим значением глагола [Реферовская 1984: 96]. Значение способа действия также вытекает из лексической семантики глагола, конкретизируясь значениями префиксов и суффиксов. А так как лексическое значение в глаголе выражается большей частью в корне и префиксе, и эта часть его основы всегда присутствует в производном имени, девербатив необходимо включает в своей семантике определенное аспектуальное значение.

При строгом анализе наличие аспектуальной семантики может быть приписано девербативу при условии существования таких контекстов, в которых его структурно-семантическая специфика является аспектуально небезразличной. В аспектологических работах выделяется целый ряд таких «диагностических» контекстов [Маслов 1965: 67; Кошмидер 1962: 145–147; Гловинская 1982: 20–25; Бондарко 1967; Шелякин 1983], демонстрирующие положительную или отрицательную сочетаемость с «аспектуально-значимыми словами» (термин А.В. Бондарко) [Бондарко 1971: 11–21]. Мы спроецировали эти уже установленные по отношению к глаголу закономерности на исследуемые имена действия с учетом их частеречной специфики. По аналогии с глаголом факт сочетаемости или несочетаемости девербатива с тем или иным аспектуально значимым словом является одним из оснований для установления в его структуре определенных семантических компонентов, составляющих «семантический потенциал» глагольного вида. В принципе для диагностики семантических особенностей можно использовать и реальные фразы из художественной и публицистической литературы, но в таком случае могут возникнуть трудности при дифференциации собственной аспектуальной специфики от глагольного имени и значения, привнесенного контекстом, поэтому контекст для диагностики аспектуального значения должен быть максимально упрощенным. В качестве исходного положения мы приняли следующее.

Наличие имперфективных сем в структуре производного определяется его сочетаемостью (в форме единственного числа) с фазовыми глаголами со значением начала, продолжения или завершения процесса или повторяющихся

действий; с адъективными показателями повторяемости или длительности действия (*ежедневная, постоянная, длительная, систематическая, периодическая*), с производными предлогами *в продолжение, по мере*, а также отрицательной сочетаемостью с показателями перфективности. Основным критерием является совместимость с фазовыми глаголами, так как для глаголов это единственный случай абсолютной сочетаемости в форме НСВ и несочетаемости в форме СВ [Гловинская 1982: 24].

Наличие в девербативе перфективных сем констатируем при его положительной сочетаемости с адъективными показателями совершения действия разом, в один прием (*моментальное, полное, неожиданное, мгновенное*), с результативными глаголами (*совершить, осуществить, произвести, совершиться, осуществиться, произойти*), а также при отрицательной сочетаемости с показателями имперфективности. Для констатации определенного аспектуального значения достаточно положительной сочетаемости хотя бы с одним из указанных показателей. В спорных случаях используется метод лингвистического эксперимента, вопросы которого составлены таким образом, чтобы выяснить восприятие носителем русского языка (в данном случае – студентами высших учебных заведений г. Новосибирска) изучаемых аспектуальных признаков девербативов в речи и определить релевантность установленных нами закономерностей формирования контекстуальной аспектуальности.

Система русских отглагольных имен со значением действия отличается большим семантическим и структурным разнообразием. Большая часть девербативов (4545 слов в нашей выборке) образована от соотносительных по виду глаголов. Однако «классические видовые пары» по типу глагольных образуют только 414. Из них дифференцируются по виду хотя бы в некоторой степени только около 180 пар. Если учесть, что процесс распада таких именных пар продолжается, и они со временем, вероятно, полностью утратят парность, то наличие их в русском языке нельзя считать фактором, обуславливающим сохранение в девербативах глагольных аспектуальных признаков.

В начале нашего исследования мы выдвинули гипотезу, что определяющую роль должен играть вид мотивирующего глагола и, соответственно, скажем, девербатив *накопление*, который образован от глагола СВ, должен сочетаться с перфективными контекстами и не сочетаться с имперфективными. Однако результаты сплошного анализа сочетаемости русских имен действия (около 5500 единиц) опроверг эту версию. Так, например, обнаружилось немало слов, соотносительных с глаголом СВ, но при этом явно демонстрирующих «имперфективное» поведение, см. пример (1):

- (1) *Накопление* (действие по значению глагола СВ *накопить*) – *начать, завершить накопление, постоянное длительное, систематическое накопление, по мере накопления.*

И при этом гораздо менее естественно: *моментальное, мгновенное, полное накопление.* Сомнительно: *внезапное накопление. Произвести, совершить*

накопление – возможно, но в определенных контекстах. Еще более неожиданным оказалось аспектуальное поведение девербативов, образованных от одновидовых глаголов: они показали способность употребляться как в «своих», так и в «чужих» аспектуальных контекстах:

(2) *произошло захудание – постепенное захудание;*

(3) *случился разгул – длительный разгул.*

Заметим, что аналогичных примеров в нашей выборке – сотни! Однако невозможно, скажем, **начать рывок, перепуг, просвист, промедление, недосмотр, *длительный порыв, наклеп, обмолвка*. Обнаружилось, что девербативы проявляют более или менее строгую избирательность, но релевантными оказываются другие факторы, прежде всего, предельность / неопределенность глагольной основы, которая обязательно наследуется отглагольным именем и определяет его сочетаемость. Так, неопределенные девербативы очень неохотно сочетаются с перфективными контекстами:

(4) **произвести пение, *произвести воркование, *осуществить чтение, цветение.*

Хотя имена действия, мотиваторы которых участвуют в образовании предельных способов действия, могут с помощью контекста актуализировать длительно-ограничительное или начинательное значение:

(5) *после двухчасового бездельничания = побездельничав 2 часа;*

(6) *раздалось бряцание шпор = забряцали шпоры;*

(7) *раздался вопль, гогот, лягз = завопили, загоготали, залязгали...*

Однако этот факт не может служить доказательством «аспектуального безразличия» девербатива, так как контекст в данном случае выполняет функцию, аналогичную глагольным начинательным и ограничительным приставкам (ср.: *сидеть – посидеть, бежать – побежать*), то есть модифицирует характер проявления действия во времени так же, как приставки переводят неопределенные по семантике глаголы в разряд предельных.

С именами действия, образованными от предельных глаголов, ситуация более сложная. Если мы будем произвольно выбирать девербативы и проверять их сочетаемость – окажется, что они имеют разные свойства. Значимым тут является семантический тип видовой коррелятивности мотивирующего предельного глагола («процесс – результат», «одноактность – многоактность», «начало процесса – процесс»). Девербативы, образованные от глаголов с видовым соотношением «процесс – результат», показали свободную сочетаемость с диагностическими контекстами:

(8) *начать обучение, по мере обучения – произвести обучение, моментальное обучение.*

Но актуализация имплицитной процессности (допредельной или послепредельной) в определенных контекстуальных условиях вполне релевантна и для некоторых несоотносительных глаголов СВ, см. примеры (9), (10):

(9) *Деревня постепенно захудала (СВ) = постепенное захудание деревни – допредельная имплицитная процессность;*

(10) Он загулял на два дня (СВ) = загул продолжался два дня – послепредельная имплицитная процессность, длительность сохранения результата.

Причем, если мотивирующий глагол имплицитно подразумевает оба типа процессности, то соответствующий девербатив потенциально может актуализировать также оба типа:

(11) допредельная процессность: *Мы постепенно задымили (СВ) весь дом = ...постепенное задымление;*

(12) точка достижения предела: *мы задымили (СВ) весь дом = ...произошло задымление;*

(13) послепредельное состояние, сохранение достигнутого результата: *Мы задымили (СВ) дом на 2 часа = задымление сохранялось 2 часа.*

Таким образом, мы снова наблюдаем здесь актуализацию в имени действия имплицитных компонентов аспектуального значения мотивирующего глагола.

Девербативы, образованные от глаголов с видовым соотношением «однократность – серийность» (типа *свершение, возникновение, возражение, ушиб*) преимущественно актуализируют значения целостности, результативности:

(14) *внезапное возникновение, случился ушиб, моментальное возражение.*

Семы кратности сохраняются только при условии сохранения суффикса имперфективации:

(15) *продолжалось вздрагивание, но невозможно: *продолжать ушиб, промельк.*

При отсутствии суффикса для репрезентации значения многократности необходимо специальное указание контекста или употребление девербатива в форме множественного числа (для девербативов с нулевым транспозиционным суффиксом второе условие является облигаторным):

(16) *постоянные ушибы, продолжались возражения, многократные свершения.* Сочетаемость со словами «систематический», «повторяющийся» у таких имен действия в основном положительная, адъективные показатели актуализируют слабую сему повторяемости:

(17) *систематическое одобрение, длительный недокорм, постоянное раздражение, многократное отражение, систематическое предостережение.*

В таких сочетаниях возможна как форма единственного, так и множественного числа, причем в первом случае «отдельность» актов действия выражена слабее, а во втором – явно усиливается сема дискретности, каждое отдельное законченное действие становится легко выделяемым:

(18) *Я устала слышать в ответ постоянное возражение – я устала слышать в ответ постоянные возражения.*

Некоторые девербативы, мотивированные глаголами семантического типа «однократность – серийность», сочетаются со словом «состояние», но в этом случае они актуализируют уже не значение кратности или обобщенного факта, как соответствующий глагол НСВ, а значение задержки результата,

послепредельного состояния, являющегося результатом действия, выражаемого глаголом СВ:

(19) *ушибаться* (постоянно) – соответствующего девербатива нет, только во множественном числе: *постоянные ушибы*;

(20) *ушибиться* = *ушиб*;

(21) состояние *ушиба* (соответствующего глагола нет).

Девербативы рассматриваемого типа могут выражать также обобщенно-фактическую разновидность аспектуального значения, например, в следующих сочетаниях:

(22) *навык приставления ноги, привычка появления в неудачный момент, закон возникновения симпатии*.

Никогда не выражают значение серийности девербативы с указанной семантикой, образованные с помощью нулевого суффикса, в форме единственного числа, хотя и имеет место медицинский термин с таким значением: *привычный вывих*. Здесь наблюдается заметное влияние транспозиционного суффикса:

(23) **постоянный ушиб, *многократный промельк* и тд.

Отдельный случай представляют несколько слов, мотивированных глаголами «непрерывного непосредственного эффекта» [Маслов 1984: 62]. Все они относятся к семантическому типу видовой коррелятивности «начало процесса – неопредельный процесс». Они не сочетаются ни с фазовыми, ни с результативными глаголами, несмотря на присутствие в значении сем длительности:

(24) **начать одобрение, уподобление; *произошло ощущение, предпочтение*.

Причиной может быть сильная сема постоянства, устойчивости состояния, приближающая значение действия к реляционному (реляционные глаголы не сочетаются с фазовыми, так как обозначают действия, которые не могут прерываться и возобновляться).

И, наконец, еще одним важным (но не главным!) фактором формирования аспектуальности девербатива являются глагольные аффиксы, которые усиливают или ослабляют соответствующие аспектуальные семы. В количественном отношении они не очень значимы (в нашей выборке 111 пар типа *верстка-сверстка* и 303 пары типа *накапливание-накопление*), поэтому не играют первой скрипки в «аспектуальном оркестре» девербативов. Однако этот материал дает возможность определить роль унаследованных глагольных аффиксов в формировании аспектуальности имен действия в «чистом» виде. Сплошной анализ «прямой» сочетаемости («имперфективный» девербатив с фазовыми глаголами, «перфективный» – с результативными) дал положительный результат в 100% случаев:

(25) *начать чистку, рубку, паковку – осуществить почистку, порубку, упаковку, побелку*;

(26) *длительная верстка, браковка, кантовка – моментальная, полная сверстка, выбраковка, окантовка*.

Но это представлялось нам естественным. Более интересна как раз несочетаемость – в противном случае мы можем говорить об аспектуальном

безразличии таких имен. Как ни странно, но половина (50%) девербативов способны свободно сочетаться и с перфективными, и с имперфективными показателями («СВ» = «НСВ»):

(27) *начать завоевание, расслоение – начать завоевывание, расслаивание;*

(28) *осуществить завоевание, расслоение – осуществить завоевывание, расслаивание.*

Общая тенденция такова: один из членов употребляется реже, а второй приобретает большую универсальность в выражении аспектуальных значений. Интересно, что в этом процессе наблюдается определенная закономерность: если субстантив образован от глагола, мотивированного глаголом, то реже употребляется форма, образованная от глагола НСВ, например: *выздоровливание – выздоровление, изготавливание – изготовление*. Если же мотиватор сам является производным от существительного или прилагательного, то менее употребимым является имя, мотивированное глаголом СВ: *онемечение – онемечивание, обесценение – обесценивание, облагорожение – облагораживание, обезземеление – обезземеливание, очеловечение – очеловечивание*. Эта закономерность обусловлена, по всей видимости, стремлением к сохранению глагольности имен, мотивированных отыменными глаголами.

Однако, несмотря на такую тенденцию к универсальности, эксперимент показал последовательную аспектуальную избирательность имен действия. Респондентам (117 человек) было предложено составить небольшие предложения со словами *выздоровление – выздоравливание*. Перфективное по основе имя употребили в результативном значении 82 человека, например: *Мое выздоровление было для меня радостным*, и только 28 – в значении процесса: *Мое выздоровление было долгим и тяжелым*. 94 человека включили *выздоровливание* в контекст с актуально-длительным значением, причем в большинстве случаев – со специальными указаниями на его длительность: *Процесс выздоравливания затянулся на долгие недели*. Примеры употребления имперфективного девербатива в результативном значении буквально единичны: *Консервативное лечение привело к выздоравливанию*.

Определенное влияние на аспектуальную характеристику девербатива оказывают, как это ни парадоксально, транспозиционные суффиксы. В современном русском языке насчитывается большое количество субстантивов с имперфективной основой, у которых исчезла перфективная пара, но появилось новое образование на *-к-*, *-ациј-* и тд. (типа **захвачение – захватывание – захват*, **обсушение – обсушивание – осушка*). Всего в нашем материале 648 пар, 123 тройки и 2 четверки (1673 слова). Проверка их с помощью диагностических контекстов обнаружила выраженное аспектуальное влияние транспозиционных суффиксов. Так, суффикс *-ниј(е)* усиливает статус сем длительности или повторяемости. Это особенно заметно в группе имен, образованных от глаголов НСВ, но имеющих разные деривационные суффиксы типа *сушение – сушка*. Они имеют различную валентность по отношению к перфективным показателям: все девербативы с суффиксом *-к(а)* сочетаются

с результативными глаголами («СВ» = «НСВ») (*осуществить рихтовку, сделать штамповку*), в то время как девербативы с суффиксом *-ниј(e) / -ениј(e) / -аниј(e)* в половине случаев имеют здесь отрицательную сочетаемость («НСВ» > «СВ») (51 девербатив из 114), сравните:

- (29) *осуществить слежку* – **осуществить слежение; сделать фасовку* – **сделать фасование; произвести сушку* – **произвести сушение.*

Суффикс *-к(a)* поддерживает уравновешенное содержание в структуре девербатива предельных и непредельных сем. Его характерной особенностью является несочетаемость с девербативами, образованными от непроцессуальных глаголов (типа «однократность – многократность»). Нулевой суффикс обеспечивает перевес в структуре значения сем результативности, предельности, однократности даже при соотносительности имени с глаголами обоих видов.

Исследование аспектуального поведения девербативов в речи (4500 текстовых фрагментов с девербативами) подтвердило, во-первых, наличие у них определенного аспектуального значения, а во-вторых, релевантность выделенных нами факторов формирования аспектуальности имен действия. Для диагностики мы использовали трансформации в глагольные конструкции. Обнаружилось, что в подавляющем большинстве случаев именам действия строго соответствуют глаголы определенного вида, что свидетельствует об аспектуальной однозначности имен действия в тексте:

- (30) *Англия в значительной степени существовала за счет неприкрытого грабежа своих обширных колоний* (Дмитриев 2004) = ...*за счет того, что грабила* (НСВ) – ср.: ...*за счет прихода к власти консерваторов* = ...*за счет того, что к власти пришли* (СВ) *консерваторы.*

В некоторых случаях конкретизация точного аспектуального значения отглагольного имени лежит за пределами одного предложения, вытекая из общего смысла описываемой ситуации:

- (31) *Картинкин сознался, что дал Масловой порошков для усыпления отца* (Л. Толстой).

В принципе, здесь возможны два варианта: неограниченно-кратное значение: *чтобы усыплять* (НСВ), и конкретно-фактическое: *чтобы усыпить* (СВ). Однако в общем контексте ситуации (суд за убийство отца с помощью снотворного) совершенно очевидным является значение целостного конкретного факта. Кроме того, для девербативов так же, как и для соответствующих им глаголов, релевантны ситуации видовой синонимии, в которых их аспектуальное значение можно истолковать двояко, при этом смысл высказывания существенно не меняется. Такие случаи соотносительны с ситуациями конкуренции видов глагола:

- (32) *Отвал парохода был назначен ранним утром* (Мамин-Сибиряк 1955) = ...*Пароход должен был отвалить* (СВ) = ...*должен был отваливать* (НСВ) – модальное значение долженствования, СВ и НСВ обозначают планируемую ситуацию целостного действия.

Подытоживая изложение столь разнообразных взглядов на проблему вида у имен действия и отказываясь от крайних, радикальных позиций, отметим следующее. Трудно спорить с утверждением, что грамматической категории вида у современных русских отглагольных имен действия нет. Однако проблема наличия у них элементов видовой семантики, семантической категории аспектуальности имеет скорее положительное решение, причем независимо от того, сохранились у производного существительного глагольные видо-вые аффиксы или нет. В русском языке число deverbatives, сохранивших глагольные видовые показатели, действительно невелико, и в то же время актуализация в них аспектуальной семантики в тексте – вполне реальное явление. Использование методологического инструментария функциональной грамматики дало возможность прояснить ряд вопросов о виде, и шире – аспектуальности отглагольных имен действия в русском языке.

Литература

- Comrie B., 1980, Nominalizations in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences [в:] C.V. Chvany, R.D. Brecht (ред.), *Morphosyntax in Slavic*, Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., с. 212–220
- Jespersen O., 1911, The role of the verb, *Germanisch-romanische Monatsschrift*, № 3.
- Chomsky N., 1972, Some empirical issues in the theory of transformational grammar [в:] *Goals of linguistic theory*, Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, с. 63–130.
- Chomsky N., 1965, *Aspects of the Theory of Syntax*, Cambridge: The MIT Press.
- Lees R., 1976, What are transformations? [в:] *Syntax and semantics*, т. 7, *Notes from the linguistic underground*, New York, с. 27–41.
- Балли Ш., 1995, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва.
- Бондарко А.В., Буланин Л.Л., 1967, *Русский глагол*, Ленинград.
- Бондарко А.В., 1967, К проблематике функционально-семантических категорий: Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке, *Вопросы языкознания*, № 2, с. 18–31.
- Бондарко А.В., 1971, *Вид и время русского глагола*, Москва.
- Виноградов В.В., 1947, *Русский язык*, Москва–Ленинград.
- Винокур Г.О., 1939, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии, *Труды МИИФЛИ*, т. 5, Москва, с. 3–54.
- Гловинская М.Я., 1982, *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*, Москва.
- Дмитриев В.И., Григорян В.Л., 2004, *Пиратство, разбой и терроризм на море*, Москва.
- Есперсен О., 1958, *Философия грамматики*, Москва.
- Жирмунский В.М., 1968, О природе частей речи и их классификации [в:] *Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов)*, Ленинград, с. 7–32.

- Иванникова Е.А., 1972, К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке, *Известия АН СССР*, Сер. лит. и яз., т. 31, вып. 2, Москва, с. 113–120.
- Исаченко А.В., 1960, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология*, ч. 2. Братислава.
- Казаков В.П., 1993, Имена действия в грамматике и словаре, *Филологические науки*, 1993, № 3, с. 102–108.
- Коссаковская Э., 2002, Вид в отвлеченных названиях действия (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») [в:] *Основные проблемы русской аспектологии*, Санкт-Петербург: Наука, с. 114–118.
- Кошмидер Э., 1962, Очерк науки о видах русского глагола. Опыт синтеза [в:] Ю.С. Маслов (ред.), *Вопросы глагольного вида*, Москва, с. 145–147.
- Курилович Е., 1962, Деривация лексическая и деривация синтаксическая [в:] Е. Курилович, *Очерки по лингвистике*, Москва: Издательство иностранной литературы, с. 57–70.
- Маслов Ю.С., 1965, Система основных понятий и терминов славянской аспектологии [в:] Ю.С. Маслов (ред.), *Вопросы общего языкознания*, Ленинград, с. 75–78.
- Маслов Ю.С., 1984, *Очерки по аспектологии*, Ленинград.
- Мамин-Сибиряк Д.Н., 1955, *Хлеб*, собр. сочинений в 8 томах, т. 7, Москва.
- Пазельская А.Е., 2003, Аспектуальность и русские предикатные имена, *Вопросы языкознания*, № 4, с. 72–90.
- Пешковский А.М., 1956, *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва.
- Реферовская Е.А., 1984, Аспектуальные значения французского глагола [в:] А.В. Бондарко (ред.), *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*, Ленинград, с. 91–109.
- Соколов О.М., 1991, *ИмPLICITная морфология русского глагола. Морфемика*, Москва.
- Теньер Л., 1988, *Основы структурного синтаксиса*, Москва.
- Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*, 1987, Ленинград.
- Хохлачева В.Н., 1969, *К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени*, Москва.
- Цзяхуа Д., 2007, Аспектуальные семантические компоненты в значении имен существительных в русском языке, *Вопросы языкознания*, № 1, с. 27–43.
- Шелякин М.А., 1983, *Категория вида и способы глагольного действия русского глагола*, Таллин.